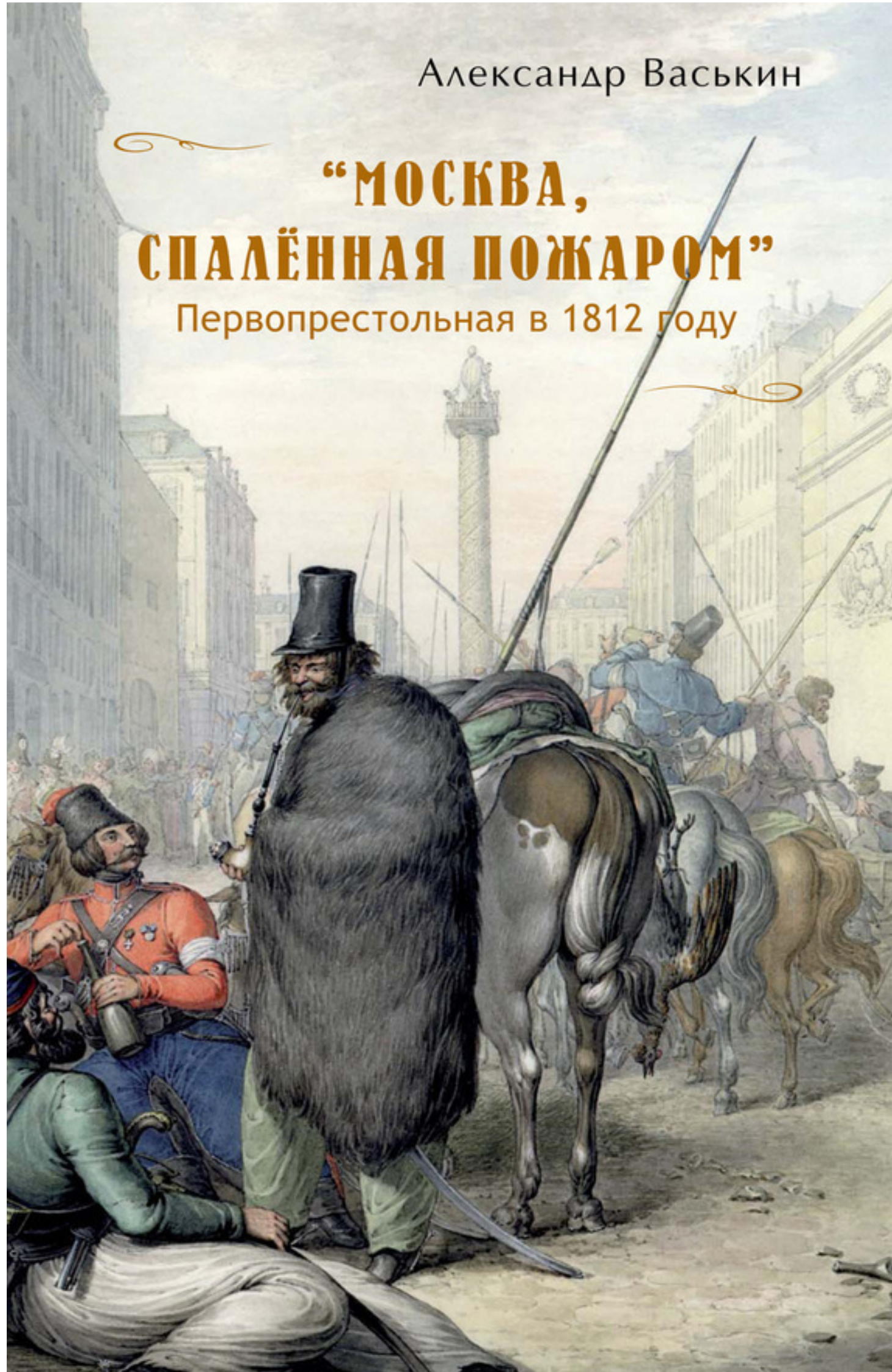

Александр Васькин

“МОСКВА, СПАЛЁННАЯ ПОЖАРОМ”

Первопрестольная в 1812 году

Александр Васькин

**«Москва, спаленная пожаром».
Первопрестольная в 1812 году**

«Автор»

2012

Васькин А. А.

«Москва, спаленная пожаром». Первопрестольная в 1812 году /
А. А. Васькин — «Автор», 2012

На обложке этой книги неслучайно помещен рисунок из серии «Русские казаки в Париже», передающий необыкновенно мирную атмосферу присутствия российской армии во французской столице в 1814 году. Это совершенно несравнимо с тем, как вели себя солдаты Наполеона в Москве в 1812 году, устроив в Первопрестольной сущий погром и ободрав древнюю русскую столицу как липку. Именно о жизни Москвы в том героическом году и повествуется в этой книге: подготовка города к войне, неожиданная его сдача Наполеону, а затем вынужденное самосожжение Первопрестольной, жизнь москвичей во время оккупации, сидение Наполеона на Москве и его безуспешные попытки заключить перемирие, грабежи и варварство вражеских солдат, разорение православных храмов и дворянских усадеб... А еще психологический портрет московского генерал-губернатора Ростопчина, явившегося катализатором событий двухсотлетней давности, его отношения с Кутузовым и Александром I, подробности создания воздушного шара для борьбы с французами, шпионская сеть в Москве, дело Верещагина, история первого мэра Москвы, тяжелая участь русских раненых, попытка французов перед их бегством окончательно «добить» Москву... Об этом и многом другом рассказывает историк Москвы, писатель Александр Васькин. Книга снабжена именным указателем.

© Васькин А. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Память двенадцатого года	5
Крестовый поход на Россию?	7
Граф Ростопчин как предвестник войны	12
Франция как объект для подражания, или «Долго ли нам быть обезьянами?»	31
«Недовольство императором усиливается»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Анатольевич Васькин

«Москва, спаленная пожаром».

Первопрестольная в 1812 году

Память двенадцатого года

К двухсотлетию Отечественной войны 1812 года у нас, в России, издано и продолжает выходить множество все новых и новых книг. Среди них труды ученых-историков, в которых анализируются и объясняются причины войны, рассказывается о тайной стратегии сторон, сути военных планов и объективной закономерности развития событий; также переиздаются известные и публикуются вновь обнаруженные документы и воспоминания участников, свидетелей и жертв войны с той и с другой стороны.

Историки предлагают схему эпохи.

Документы и мемуары опрокидывают на читателя бурлящий поток шумной, перебивающей саму себя, сбивающей с мысли, путаной жизни. Но это и есть настоящая жизнь.

В ряду юбилейной литературы, посвященной Отечественной войне 1812 года, тема книги Александра Васькина «Москва, спаленная пожаром. Первопрестольная в 1812 году» на первый взгляд кажется сугубо традиционной: конечно, какой же рассказ о 1812 годе может обойтись без московского пожара.

Книга насыщена историческим материалом, в ней много цитат.

Названия глав обещают подробное и – главное – разностороннее повествование. Тут и размышления о природе военного нападения на Россию: «Крестовый поход на Россию?», и хроника событий: «Война началась», «Приезд Александра I», и сложнейшая проблема взаимоотношений Кутузова и московского генерал-губернатора Ростопчина: «Ростопчин и Кутузов: двое в одной лодке», и различные стороны жизни прифронтовой Москвы: «Москва в шпионской сети», «Московские купцы: «кому война, а кому мать родна!», «Эвакуация раненых и казенного имущества», и пребывание французов в Москве: «Французы хозяйничают в Москве», «Пожар начался», «Горящая Москва глазами Стендаля», «Как французы Москву тушили», «Наполеон создает муниципальный совет», «Глумление над православными святынями», «Октябрь: последние дни французов в Москве». Я перечислил лишь некоторые главы, но и по ним читатель может представить, насколько широк и детален рассказ автора о Москве, спаленной пожаром 1812 года.

Кое у кого может возникнуть впечатление, что обо всем этом мы читали и читали.

Действительно, читали и читали, и, что скрывать, порой страницы, на которых рассказывалось о том или ином уже знакомом эпизоде, просто пропускали.

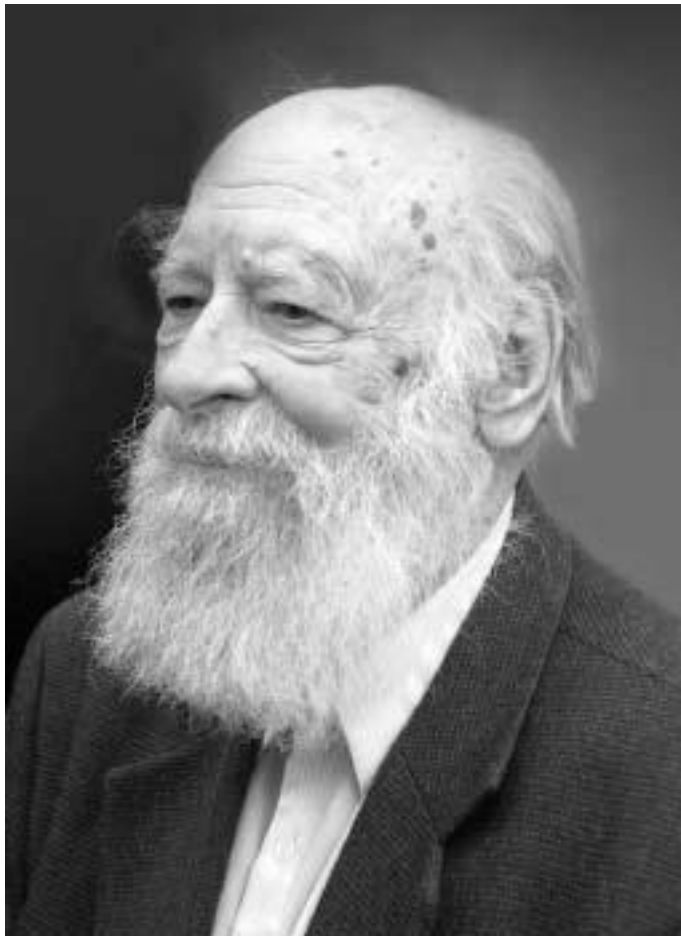
А вот в книге Александра Васькина страницу, вроде бы и про уже читанное прежде, так не перевернешь. Автор нашел свою форму повествования, или, вернее, она сама его нашла и заставила вести повествование именно в таком ключе.

Вчитываясь в документы и воспоминания об эпохе 1812 года, причем не только хорошо знакомые и часто встречаемые в других книгах, но и мало известные, как, например, высказывания генерал-губернатора Москвы графа Ростопчина из его сочинения «Правда о пожаре Москвы», автор увидел, что в них полно деталей, бытовых мелочей, случаев повседневной жизни, которыми пренебрегают историки, ошибочно полагая, что они не имеют важного исторического значения. Но именно эти мелочи воскрешают живой дух эпохи.

Известен литературный прием: герой из своего времени перемещается в прошлое и включается в тогдашнюю жизнь. Это и произошло с Васькиным: занявшись Отечественной войной

1812 года, он очутился в этой эпохе и в окружении и самом близком человеческом общении с теми, чьи воспоминания читал. Васькин цитирует мемуариста, а потом вдруг начинает разговаривать с ним, спорить, одобрять или порицать. Особенно интересно это получается с мемуарами французов: автор, по неистребимой русской привычке верить человеку, сочувствует им, иногда даже становится на их сторону – ведь они тоже люди.

А в общем получилась не книга научно-популярного жанра, а скорее художественное произведение. К обширной галерее исторических лиц, которые рассказывают о своей эпохе и о себе, следует присоединить и образ автора, который выступает из текста не менее определенно, нежели они. Автор размышляет, переживает, судит: то его осеняет догадка, то он ошибается. И его присутствие делает книгу живой и увлекательной.

Владимир Муравьев,

Председатель Комиссии «Старая Москва»

Крестовый поход на Россию?

«Какой ужасный пожар! Посмотрите, что он натворил! Этот проклятый римлянин... Кем он вообразил себя? Нероном? Тогда где тот холм, на котором он должен отдать приказ своим слугам зарезать себя? За что он так ненавидит этот древний город? Даже русский император не мог бы отдать приказ о сожжении Москвы! А он отдал! Что будет с этим несчастными русскими, оставшимися здесь?»

Теперь вся Европа вообразит меня средневековым варваром, запалившим город вместе с его народом.

Но ведь я не варвар, чтобы заживо жечь людей! Боже мой, зачем все это, для чего?» – все эти слова извергались Наполеоном в начале сентября 1812 года в бурном потоке проклятий, направленном против всего лишь одного человека – генерал-губернатора Москвы Федора Ростопчина. Сам Ростопчин ответить Наполеону не мог, поскольку выехал из вверенного ему города еще 2 сентября. Начавшийся в тот же день пожар Москвы и явился тем своеобразным ответом, что дан был Ростопчиным прославленному и не встречавшему доселе серьезного сопротивления завоевателю Европы.

Ни один другой город не проявил таких «горячих» и «пламенных» чувств к Наполеону, как Москва. Сгорели в огромном море огня не только древние московские храмы и палаты, сгорело ожидавшееся Наполеоном скорое и победное завершение русской кампании, навсегда утрачена была его непоколебимая уверенность в многолетней прочности созданной им империи. К июню 1812 года он подмял под себя не только Францию, но и Австрию, Пруссию, Голландию, германские княжества, итальянские королевства и прочие земли. С большим трудом сдерживал Наполеон сопротивление испанцев, отчаянно боровшихся с французской оккупацией.

Он долго раздумывал: какую страну избрать в качестве следующей жертвы своей агрессии: Англию, с ее непотопляемым флотом и богатейшими колониями, или Россию, с ее огромной территорией, и, как он считал, рабским народом и бездарными генералами. В конце концов, Россия показалась ему куда более слабой и уязвимой. К тому же, второй польский поход, как вначале он назвал эту авантюру, должен был закончиться в крайнем случае в октябре. Ведь он перечитал все книги о России, какие только стояли в его обширной библиотеке, и нигде не нашел указаний на то, что в октябре на бескрайних русских просторах уже выпадает снег. А потому и затрат на кампанию не требовалось слишком много – зимнее обмундирование его солдатам было ни к чему, ведь к зиме они должны были уже вернуться на родную землю.

Пожар Москвы в сентябре 1812 года. 1810-1820-е гг.

Вспоминал ли французский император в эти дни, как просился когда-то на военную службу в Россию? Было это в 1788 году, в преддверии очередной русско-турецкой войны. Тогда императрица Екатерина II повелела: зачислять в русскую армию иностранных офицеров, но с одним условием – понижением в чине. Честолюбивого Наполеона это никак не могло устроить, а русские генералы не имели полномочий сделать для него одного исключение.

А вот граф Ростопчин, служивший при Павле главой военного департамента, будь его воля, взял бы Наполеона в русскую армию: «До 1806 г. я не имел против Наполеона ненависти более, как и последний из Русских; я избегал говорить о нем, сколько мог, ибо находил, что писали на его счет слишком и слишком рано. Народы Европы будут долго помнить то зло, которое причинил он им войною, и в классе просвещенном два существующих поколения разделятся между энтузиазмом к завоевателю и ненавистью к похитителю. Я даже объявлю здесь откровенно мое верование в отношении к нему: Наполеон был в глазах моих великим Генералом после Итальянского и Египетского похода; благодетелем Франции, когда прекратил он революцию во время своего Консульства; опасным деспотом, когда сделался Императором; ненасытным завоевателем до 1812 года; человеком, упоенным славою и ослепленным счастьем, когда предпринял завоевание России; униженным гением в Фонтенбло и после Ватерлооского сражения, а на острове Св. Елены плачущим прорицателем.

«В Кремле – пожар!» Худ. В.В. Верещагин. 1887–1898 гг.

Наконец, я думаю, что умер он с печали, не имея уже возможности возмущать более свет и видя себя заточенным на голых скалах, чтобы быть терзаемым воспоминанием прошедшего и мучениями настоящего, не имея права обвинять никого другого, кроме самого себя, будучи сам причиною и своего возвышения, и своего падения. Я очень часто сожалел, что Генерал Тамара, имевший препоручение в 1789 году, во время войны с Турками, устроить флотилию в Средиземном море, не принял предложения Наполеона о приеме его в Русскую службу; но чин Майора, которого он требовал, как Подполковник Корсиканской Национальной Гвардии, был причиною отказа. Я имел это письмо много раз в своих руках».¹

Стоя у окна в своем временном пристанище в Петровском путевом дворце, в котором обычно останавливались русские цари, приехав на коронацию, Наполеон наблюдал и за тем, как гибнут в огне нарисованные им блестящие перспективы его империи. Ведь он рассчитывал через Россию совершить поход на Индию, крупнейшую британскую колонию. Только достигнув Индии, Наполеон надеялся окончательно подорвать экономическую мощь Великобрита-

¹ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – М., 1823. – С. 56.

нии, для борьбы с которой он устроил колониальную блокаду. Но блокада эта оказалась слишком непрочной: то тут, то там проникали через нее колониальные товары, сводя на нет все усилия Наполеона. Главной пособницей Англии по подрыву этой блокады император считал Россию, через которую контрабанда потоком текла в Европу.

Есть и еще одно неожиданное предположение: Наполеон рассчитывал объявить себя в Москве не иначе как... императором всей Европы, нового огромного государства от Ла-Манша до Урала. А для этого уже заранее задумал привезти в Первопрестольную самого папу Римского Пия VII, который и должен был благословить его как будущего верховного правителя европейского континента. Захотел бы приехать папа? А куда бы он делся! Наполеон уже однажды выписывал его себе из Парижа в 1804 году, когда возжелал, чтобы тот лично возложил на его золотую голову большую императорскую корону, подобно своему далекому предшественнику, короновавшему за десять столетий до того Карла Великого. А чем Наполеон хуже легендарного короля франков и императора Запада? Этот эпизод многократно описан историками и еще более красочно художниками – ведь Наполеон в самый кульминационный момент коронации, проходившей в Соборе Парижской Богоматери, вырвал из рук папы корону, чтобы самому увенчать себя, а затем и свою коленопреклоненную супругу.²

Так вот, папа Римский должен был приехать в Москву и не только помазать Наполеона на новое царство, но и выступить объединителем и унификатором православной и католической церквей. Благо, что католических священников, иезуитов было в Москве и России достаточно, да и паства их была велика – немало французов бежало от своей Великой революции в Россию и неплохо прижилось здесь. А уж о том, что детей русских дворян с детства учили всему французскому (за это французов и не любил тот же Ростопчин), и говорить не приходится (см. «Евгений Онегин»). Иными словами, Отечественная война 1812 года была еще и крестовым походом против России. Что же тогда удивляться жестокости наполеоновских солдат, проявленной к московским священникам, и варварству оккупантов в православных соборах и храмах, но об этом подробный разговор еще впереди.

Все возможные санкции к побежденной России Наполеон продумал заранее: это и непосильные контрибуции, и обязанность содержания французских гарнизонов, которые он непременно бы посадил на шею российскому народу, и французские таможни в крупнейших портах, и отторжение Украины, Белоруссии, Прибалтики, а главное – потеря независимости, за которую так часто и с кровопролитными потерями сражались наши предки...

Через призму столь ужасных последствий сожжение Москвы не выглядит таким уж катастрофичным, когда оно является единственно возможным средством остановить вражескую армию, деморализовать ее и вынудить убраться восвояси. Так думал и московский генерал-губернатор Федор Ростопчин, ставший в сентябре 1812 года главным врагом Наполеона и его войска. Именно Ростопчин сыграл главную роль в трагических и в то же время великих событиях, развернувшихся в древней русской столице двести лет назад.

² Ratchinski A. Napoleon et Alexander I: La guerre des idées. Paris, 2002.

Иллюминация на Соборной площади в Кремле по случаю коронации Александра I. Худ. Ф. Я. Алексеев. 1801 г.

Граф Ростопчин как предвестник войны

*Граф Ростопчин Ф.В.
Худ. С. Тончи. 1800 г.*

Отечественная война для Москвы началась раньше, чем для всей остальной России – не в июне 1812 года, когда наполеоновы войска переправились через Неман, а в мае, после назначения в Первопрестольную генерал-губернатором графа Федора Васильевича Ростопчина. 5 мая 1812 года государь Александр I скрепя сердце подписал рескрипт о новом московском градоначальнике, коим и стал весьма авторитетный и популярный граф. Известность Ростопчину принесла агрессивная антифранцузская риторика, нашедшая хорошо удобренную почву в самых разных слоях российского общества. Сам-то Александр Ростопчина терпеть не мог.

Откуда взялась неприязнь к Ростопчину? Корни ее лежат глубоко и тянутся еще со времен павловского царствования. Ведь Федор Васильевич был убежденным сторонником и правой рукой Павла I и противником его отстранения от власти (это еще мягко сказано – отстранение). При нем он и графом-то стал. Павлу Ростопчин был обязан всем, он буквально поднял его «из грязи в князи».

Но сначала попытаемся составить психологический портрет самого графа, назначение которого градоначальником Москвы во многом предопределило роль и место Первопрестольной в истории Отечественной войны 1812 года.

Споры относительно личности Ростопчина не утихают и по сей день. Одни его считают настоящим патриотом и основоположником российского консерватизма, другие – крикливым болтуном-провокатором, третьи – неудачным генерал-губернатором, четвертые – даровитым литератором...

К противоречивым оценкам своей личности граф Ростопчин был готов еще при жизни: «Что ж касается именно до меня, то и конца бы не было, если бы я хотел говорить о всех

глупостях, сказанных на мой счет: то иногда я безызвестного происхождения; то из подлого звания, употребленный к низким должностям при Дворе; то шут Императора Павла; то назначенный в духовное состояние, воспитанник Митрополита Платона, обучавшийся во всех городах Европы; толст и худощав, высок и мал, любезен и груб. Нимало не огорчаясь вздорами, столь щедро на счет мой расточенными кропотелями историй, я представлю здесь мою службу. Я был Офицером Гвардии и Каммер-Юнкером в царствование Императрицы Екатерины II; Генерал-Адъютантом, Министром Иностранных дел и Главным Директором Почты в царствование Императора Павла I; Обер-Каммергером и Главнокомандующим Москвы и ее Губернии при нынешнем Императоре. Что же касается до моего происхождения, то, не во гнев господам, рассуждающим под красным колпаком, я скажу, что родоначальник нашей фамилии, поселившейся в России назад тому более трех столетий, происходил по прямой линии от одно из сыновей Чингис-Хана...»³

Своего татарского происхождения граф не скрывал и даже гордился им. Как-то император Павел спросил его:

– Ведь Ростопчины татарского происхождения?

– Точно так, государь, – ответил Ростопчин.

– Как же вы не князья? – уточнил он свой вопрос.

– А потому, что предок мой переселился в Россию зимою. Именитым татарам-пришельцам, летним цари жаловали княжеское достоинство, а зимним жаловали шубы.⁴

В своих не лишенных остроумия мемуарах Ростопчин так описывает собственное рождение, случившееся 12 марта 1765 года: «Я вышел из тьмы и появился на Божий свет. Меня смерили, взвесили, окрестили. Я родился, не ведая зачем, а мои родители благодарили Бога, не зная за что». Правда, биографы графа считают по-иному, ссылаясь на то, что год рождения Ростопчина, выбитый на его надгробном камне на Пятницком кладбище в Москве, указан как 1763.

Родился будущий генерал-губернатор Москвы в селе Косьмодемьянском Ливенского уезда Орловской (тогда Воронежской) губернии. Сам же Ростопчин на одном из своих портретов написал о себе: «Он в Москве родился и ей он пригодился». Вот и думай после этого что хочешь. Впрочем, как мы увидим в дальнейшем, Ростопчину на протяжении всей его яркой жизни было присуще такое качество, как изобретательность, ради которого он мог пойти очень далеко, не оглядываясь на сложившиеся в общественном мнении стереотипы. Пожар Москвы, судя по имеющимся у нас сегодня сведениям, есть главное изобретение графа, его самая известная режиссерская постановка.

Кажется, что сама судьба готовила Ростопчина к осуществлению такого грандиозного замысла, каким являлся поджог Москвы. Недаром одна из версий происхождения его фамилии гласит, что в основе ее лежит название одной из самых древних профессий – растопник, растопщик, т. е. тот, кто зажигает огонь. Вот и не верь после этого в предначертания! Хотя свой вариант толкования слова «растопча» приводит Владимир Даль в толковом словаре, объясняя его значение как «олух», «разиня». Хотя и здесь могут найтись такие, кто обвинит графа в том, что он «проворонил» Москву. Но об этом позже...

А ведь недаром авторитетный языковед Б. Унбегаун, автор словаря русских фамилий, отмечает, что русские фамилии обычно образуются от «прозвищ, даваемых человеку по его профессии, месту проживания или каким-либо другим признакам». Правда, фамилии Ростопчин в этом словаре нет, что неудивительно, ведь Ростопчин был тем русским, которого не надо долго скрести, чтобы отмыть в нем татарина.

³ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – С. 24.

⁴ Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // Русский архив, 1877. – Кн. 2. – Вып. 5. – С. 69–78.

Отец Ростопчина, зажиточный помещик, отставной майор, Василий Федорович Ростопчин, широко известен был разве что в пределах своего уезда. Жена его, урожденная Крюкова, скончалась вскоре после рождения младшего сына Петра. На руках у Василия Федоровича осталось двое детей, которых воспитывал конгломерат воспитателей: нянька, священник, учивший словесности и гувернер-иностранец (по всей видимости, француз, т. к. ненависть к галлам Ростопчин пронес через всю жизнь).

Подрастающего Феденьку воспитатели учили «всевозможным вещам и языкам». Описывая свое детство, Ростопчин довольно безжалостен к себе, отрекомендовав себя «нахалом и шарлатаном», которому «удавалось иногда прослыть за ученого»: «Моя голова обратилась в разрозненную библиотеку, от которой у меня сохранился ключ». Как мы убедимся в дальнейшем, это одно из самых редких, нехарактерных для Ростопчина проявлений самокритичности.

В десять лет началась его военная служба – он был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк, в 1776 году произведен в фурыеры, в 1777 году – в сержанты, в 1779 году – в прапорщики, в 1785 году – в подпоручики, в 1787 году – в поручики, а в 1789 году получил чин капитан-поручика лейб-гвардии Преображенского полка.⁵

Свой «домашний» запас знаний он серьезно пополнил во время пребывания за границей в 1786–1788 годах. Он побывал в Германии, Франции, Англии. Слушал лекции в университетах Лейпцига и Геттингена (кстати, последнее учебное заведение было весьма популярно среди либеральной дворянской молодежи Европы).

Эти два года сформировали Ростопчина, образовали его как весьма просвещенного представителя своего поколения. Надо отдать ему должное – он проявил отличные способности к самоорганизации, поставив себе цель получить максимально возможный объем знаний. Он занимался не только гуманитарными науками, изучением иностранных языков, но и посвящал время математике, постижению военного искусства. Учился Ростопчин целыми днями, по десять часов кряду, делая перерыв лишь на обед.

Из дневника, который Ростопчин вел в Берлине в 1786–1787 годах, мы узнаем о том, что его часто принимали в доме у российского посла С.Р. Румянцева, который ввел его в высшие слои местного общества. А в ноябре 1786 года Ростопчин сделал дневниковую запись о своем посвящении в масоны – факт малоизвестный, его Федор Васильевич предпочел вычеркнуть из своей биографии, в которой борьба с масонами займет ведущее положение, хотя дальнейший карьерный рост Ростопчина связывают именно с его принятием в масоны и дружбой с С.Р. Воронцовым, русским послом в Лондоне и влиятельным представителем общества вольных каменщиков.

После возвращения на родину, пребывавшую в ожидании очередной войны, для Ростопчина наступило время «неудач, гонений и неприятностей», так он назвал военную службу. До начала русско-шведской войны 1788–1790 годов он пребывал в главной квартире русских войск в Фридрихсгаме, затем под командованием Суворова волонтером участвовал в русско-турецкой войне 1788–1791 годов, штурмовал Очаков, сражался у Фокшана, на реке Рымник.

⁵ Федорченко В. И. Императорский дом: Выдающиеся сановники: [Энциклопедия биограф.]: В 2 т. – Красноярск, М., 2003.

Ростопчин Ф.В. Худ. С. Тончи. 1800 г.

Любопытно, что Ростопчин сетовал на невнимание к нему со стороны начальства, выразившееся в «отсутствии почестей, которые раздавались так щедро». Но разве не большой честью для него, молодого офицера, был подарок Суворова – походная палатка прославленного военачальника. Такое отличие дорогого стоит, тем более что весьма разборчивый Суворов Ростопчина заметил и приблизил к себе. В дальнейшем пути их не раз пересекались. Только ролями они поменялись – теперь уже Суворов удостоивался особого расположения Ростопчина, ставшего главой военного департамента во время заграничных походов русской армии. Александр Васильевич отзывался о Ростопчине как о «покровителе», «милостивом благодетеле».⁶

По иронии судьбы именно Ростопчин в 1797 году и сообщил Суворову о его отставке: «Государь император, получа донесения вашего сиятельства от 3 февраля, соизволил указать мне доставить к сведению вашему, что желание ваше предупреждено и что вы отставлены еще 6 числа сего месяца».⁷

А во время русско-шведской войны Ростопчин, командуя гренадерским батальоном, был представлен к Георгиевскому кресту, но не получил и его. Потерял он и единственного младшего брата Петра, геройски погибшего в бою со шведами.

Звездный час Ростопчина наступил в декабре 1791 года, именно ему поручено доставить в Петербург, т. е. самой Екатерине II, известие о заключении исторического Ясского мирного договора с турками, по которому Черное море в значительной мере стало российским.

Об этом эпизоде из своей жизни Ростопчин рассказывал с удовольствием, не в пример истории, связанной с его посвящением в масоны. Виднейший масон С.Р. Воронцов рекомендовал Ростопчина своему другу канцлеру А.А. Безбородко, тот и взял молодого офицера на Яскую мирную конференцию на бумажную, но очень ответственную работу – ведение журналов и протоколов заседаний.

Гонца, прибывшего с дурной вестью, в иное время могли и убить, а вот тот, кто приносил радостную новость, имел все шансы удостоиться монаршего благоволения, хотя мог и не

⁶ Мещерякова А.О. Федор Васильевич Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. – Воронеж, 2007.

⁷ Осипов К. Суворов. – Рига: Литгосиздат, 1949.

иметь прямого отношения к содержанию известия. Счастливый случай произошел первый раз в жизни Ростопчина. Именно на нем остановил свой выбор Безбородко, послав его в столицу с донесением к императрице. И кто знает, сколько времени бы еще Ростопчину предстояло прозябать в армии, если бы не выпавшая ему удача.

В феврале 1792 года Ростопчин, по представлению Безбородко, по приезде в Петербург получил звание камер-юнкера в ранге бригадира. Его оставили при дворе. Екатерине молодой и образованный офицер понравился, она оценила его остроумие. Не зря в мемуарной литературе закрепилось прозвище, якобы данное ему императрицей – «сумасшедший Федька». Подобная характеристика, скорее, говорит об оценке личных качеств Ростопчина, а не его способностей к государственной службе, проявить которые ему удалось, служа уже не императрице, а ее сыну, засидевшемуся в наследниках, – Павлу Петровичу. Именно к его малому дворцу в Гатчине в 1793 году и был прикомандирован камер-юнкер Ростопчин, в обязанности которого входило дежурство при дворе.

Насколько почетной была служба у будущего императора? Ведь Павел как раз в то время сильно сомневался в своих шансах на престол, подозревая, что Екатерина передаст его своему внуку-Александру Павловичу. Сомневались и придворные интриганы. Да и сама Гатчина являлась в каком-то роде ссылкой, куда мать, желая отодвинуть сына подальше от трона, удалила его в 1793 году, «подарив» ему это имение.

Ростопчин Ф.В. Худ. О.Л. Кипренский. 1809 г.

Павел жил в Гатчине, как в золотой клетке, хорошо помня о судьбе своего несчастного отца. Совершенно одинокий, повсюду чувствующий негласный надзор, обиженный матерью, оскорбленный и униженный поведением ее придворных, обделенный властью – он даже не жил, а терпел. И вот в его окружении появляется доселе неизвестный, мало знатный, но амбициозный, молодой офицер. Поначалу Павел воспринял его, как и остальных придворных матери, с опаской. Но постепенно Ростопчин начинает завоевывать расположение наследника.

Ростопчин Ф.В.

Гравюра АЛ. Осипова. 1810-е гг.

Дело в том, что свои обязанности при дворе дежурные офицеры исполняли небрежно, демонстрируя этим атмосферу отчужденности и неприятия, царившую вокруг Павла, убивавшего время в Гатчине то перестройкой дворца, то военной муштрой (даже собственных детей у него отобрали). Ростопчин же удивил всех своей усердностью и старательностью, не в пример другим. Вероятно, у него вновь появился тот «пламенный порыв», с которым он уже однажды поступал на военное поприще.

Ему удалось внушить окружающим весомость своей службы. Однажды его порыв даже стал причиной сразу двух дуэлей. Вызов он получил от других камер-юнкеров, которых он назвал негодями за неисполнение ими своей службы: «Трое камер-юнкеров, кн. Барятинский, Ростопчин и кн. Голицын, поссорясь за дежурство, вызвали друг друга на поединок», – писал современник.⁸ Дуэли не состоялись – скандал докатился до государыни, летом 1794 года наказавшей Ростопчина ссылкой в Орловскую губернию, в имение отца.

Ссылка имела показательный характер и во многом способствовала формированию авторитета Ростопчина как сторонника Павла. При дворе даже поползли слухи, что наследник прятал Ростопчина у себя в Гатчине, впрочем, слухи не нашли подтверждения.

В том же году Ростопчин женился на Екатерине Петровне Протасовой (1775–1859), дочери генерал-поручика П.С. Протасова и А.И. Протасовой, племяннице камер-фрейлины императрицы Екатерины II, графини А.С. Протасовой. В дальнейшем супруга доставит Ростопчину немало хлопот. Виноваты в этом окажутся опять же французы. Начнется семейный разлад в 1806 году, когда графиня перейдет в католичество, а затем попытается обратить

⁸ Русский архив. – М., 1876. – № 12. – С. 393

в чужую веру детей: трех дочерей, Наталью, Софью и Елизавету и двух сыновей, Андрея и Сергея.

Но до этого было еще далеко. А пока в августе 1795 года Ростопчин вернулся в столицу, окончательно утвердившись в глазах придворных как фаворит Павла Петровича. «Нас мало избранных!»— мог бы вслед за поэтом вымолвить Ростопчин. Да, близких Павлу людей было крайне мало, вот почему в недалеком будущем карьера Ростопчина разовьется так стремительно.

А в ноябре 1796 года скончалась Екатерина II, освободив своему сыну дорогу к долгожданному престолу. Но вот что интересно: и в этот раз Ростопчин явился вестником важнейшей новости, но уже не для императрицы, а для будущего императора. Когда 5 ноября 1796 года с Екатериной II случился удар, именно Ростопчин стал первым, кто сообщил об этом Павлу. Все последующие сутки находился он неотлучно от него, присутствуя при последних минутах государыни в числе немногих избранных.

Все, что произошло в тот день, Ростопчин описал в своем очерке «Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I». Как быстро, на протяжении суток, выросла роль Ростопчина в государстве, как при этом преображались лица придворных, с мольбой устремлявших свои взгляды на главного фаворита нового императора! Вот уже и влиятельный канцлер Безбородко, вытаскивший когда-то Ростопчина из неизвестности, умиленным голосом просит его об одном: отпустить его в отставку «без посрамления». Лишь бы не сослали!

Павел, призвав Ростопчина, вопрошает: «Я тебя совершенно знаю таковым, каков ты есть, и хочу, чтобы ты откровенно мне сказал, чем ты при мне быть желаешь?» В ответ Ростопчин выказал благородное желание быть при государе «секретарем для принятия просьб об истреблении неправосудия». Но, во-первых, поначалу следовало исправить самое главное «неправосудие», столько лет длившееся по отношению к самому Павлу; а во-вторых, у нового государя было не так много преданных людей, чтобы ими разбрасываться на пустяковые должности, и он назначил Ростопчина генерал-адъютантом, «но не таким, чтобы гулять только по дворцу с тростью, а для того, чтобы ты правил военной частью». И хотя Ростопчин не желал возвращаться на военную службу, возразить на волеизъявление императора он не посмел (должность генерал-адъютанта была важнейшей при дворе – занимающий ее чиновник должен был рассылать поручения и рескрипты государя и докладывать ему поступающие рапорты). Тем более что одно не исключало другого – Ростопчин мог исполнять должность генерал-адъютанта и одновременно помогать просящим, которых вскоре появилось превеликое множество.

Супруга графа, Ростопчина Е.П.

Худ. О.Л. Кипренский. 1809 г.

Но все же главная должность Ростопчина не была прописана ни в каких табелях о рангах – ее можно выразить фразой, сказанной про него Павлом: «Вот человек, от которого я не намерен ничего скрывать». Он отдал Ростопчину свою печать, чтобы тот опечатал кабинет Екатерины, передал ему несколько распоряжений относительно «бывших», а после принятия присяги, состоявшегося тут же, в придворной церкви, попросил (а не приказал) об одном деле весьма тонкого свойства. «Ты устал, и мне совестно, – сказал государь, – но потрудись, пожалуйста, съезди... к графу Орлову и приведи его к присяге. Его не было во дворце, а я не хочу, чтобы он забывал 28 июня». (28 июня 1862 года – день, когда свершился государственный переворот, итогом которого стало воцарение Екатерины II. Отец Павла, Петр III, вскоре после этого был убит, по всей видимости, Алексеем Орловым).

*Портрет Павла I.
Худ. С. Щукин. 1797 г.*

Ростопчин приехал к Алексею Орлову, разбудив его и предложив немедленно принять присягу новому государю, что тот и сделал. А когда Павел во время похорон Екатерины решил перенести еще и прах своего отца в Петропавловский собор, то Алексея Орлова он заставил возглавлять траурную процессию.

Влияние Ростопчина росло как на дрожжах. Он стал правой рукой императора. И надо отдать ему должное: своими широкими полномочиями он не злоупотреблял, за прошлые обиды не мстил.

Надо ли говорить, что знаки отличия стали появляться на мундире Ростопчина, как грибы после дождя: уже 7 ноября 1796 года он получил чин бригадира и орден Св. Анны 2-й степени, 8 ноября – чин генерал-майора и звание генерал-адъютанта, 12 ноября – орден Св. Анны I-й степени, 18 декабря – дом в Петербурге, а 1 апреля 1797 года по случаю коронации Павла – орден св. Александра Невского. В ноябре 1798 года он был произведен в действительные тайные советники.

За столь короткий срок царствования Павла Ростопчин успел поруководить несколькими ведомствами: военным, дипломатическим и почтовым. Где бы он ни работал, ему всегда удавалось доказывать значительность занимаемой должности. Многие современники, даже его противники, отмечали завидную работоспособность Ростопчина, его хорошие организационные способности. В этом он был под стать императору, встававшему спозаранку и день-деньской занимавшемуся насущными государственными делами. Павел задумал за несколько лет сделать то, на что обычно требуются десятилетия. Особую заботу нового императора и вдохновляемых им приближенных составляло наведение порядка в распутившейся, по его мнению, стране: укрепление и централизация царской власти, введение строгой дисциплины в обществе, ограничение прав дворянства (например, он приказал всем дворянам, записанным на службу, явиться в свои полки, а служили тогда с младенчества).

Смысл жизни подданного – служение государю, а всякая свобода личности ведет к революции. Этот постулат павловского времени Ростопчин принял на всю оставшуюся жизнь. Именно Павел «сделал» Ростопчину прививку от либерализма. Ростопчин хорошо усвоил, что совсем немного времени требуется, чтобы «закрутить гайки»: ужесточить цензуру, запретить выезд молодежи на учебу за границу.

Неслучайно Ростопчин в 1799 году отмечал, что работает он «до изнеможения»: вставал в половине шестого утра, через сорок пять минут он был уже у государя, при котором пребывал до часу дня, занимаясь рассылкой приказов и чтением поступающих документов. Ложился спать он в десять часов.

Ростопчин Ф.В. С гравированного портрета И.С. Клаубера. 1800–1801 гг.

Управляя Военным департаментом и военно-походной канцелярией императора (с мая 1797 года), Ростопчин написал новую редакцию Военного устава по прусскому образцу. Целью нового устава было превращение армии в слаженный механизм с помощью повседневных смотров и парадов. Как глава почтового ведомства (с мая 1799 года) он имел возможность читать проходящую через него почту. Факт немаловажный, особенно для того, кто знает толк в интригах.

Ростопчин Ф.В.

Худ. Г. Рейнхольд. 1812 г.

Но наиболее бурную деятельность Ростопчин развил, занимаясь внешнеполитическими делами Российской империи. В сентябре 1799 года государь назначил его первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, т. е. фактически канцлером (занимавший эту должность Безбородко умер еще в апреле 1799 года). Ростопчин планировал развернуть внешнюю политику России на 180 градусов, избрав в качестве союзника Францию, а не Англию с Австрией. Таким образом, он двигался в русле политики Павла, который «перевернул все вверх дном», как выразился его старший сын Александр.

Ростопчин даже планировал тайно отправиться в Париж для ведения переговоров с Бонапартом. Теперь даже трудно предположить, что могло бы получиться, если бы Наполеон и Ростопчин встретились. Возможно, что судьба Москвы сложилась бы по-другому. А тогда государь никак не мог его отпустить во Францию – ведь на дворе стояла уже осень 1800 года, тучи над Михайловским замком сгустились. Из затей Ростопчина ничего не вышло.

Еще одно важное открытие Ростопчина – то, что у России не может быть политических союзников в принципе, а есть лишь завистники, которые так и норовят сплотиться против нее. Недаром ему приписывают фразу: «Россия – это бык, которого поедают и из которого для прочих стран делают бульонные кубики». Как напишет Ростопчин впоследствии в своей

«Записке... о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования», «России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых».

Но пропорционально его влиянию увеличивалось и число завистников, надеявшихся, что царствование Павла будет коротким. Ростопчин должен был быть готов, что в любое время он также быстро сойдет с пьедестала, как и очутился на нем. Первая отставка последовала в марте 1798 года, когда в результате происков фаворитки Павла Е.И. Нелидовой он был снят со всех постов и выслан в свое имение. Правда, уже через полгода Ростопчин вновь понадобился государю (у Павла вместо Нелидовой появилась новая любимица – А.П. Лопухина). Новые «знаки благоволения», как называл их Ростопчин, не заставили себя ждать – графский титул «с нисходящим его потомством» в феврале 1799 года, а еще 3000 крепостных и 33 тысячи десятин земли в Воронежской губернии. В марте 1800 он назначен членом Совета императора.

Награждали не только Ростопчина, но и его родственников. Так, в апреле 1799 года вышел следующий приказ: «За верность и преданность нашего действительного тайного советника графа Ростопчина, еще в знак нашего к нему благоволения всемилоостивейше жалуем отца его, отставного майора Ростопчина, в наши действительные статские советники, увольняя его от всех дел».⁹ Федор Васильевич сам настоял на таком благоволении.

Причиной следующей опалы явилась интрига представителей противоборствующего лагеря – графа Панина и графа Палена, но, по большому счету, она была вызвана грядущей сменой власти. Недовольство павловским царствованием достигло критической массы. Даже родной сын Александр жаловался, что «сделался теперь самым несчастным человеком на свете». Ненависть вызывали даже награды, раздаваемые Павлом. Стремясь предать забвению учрежденные Екатериной ордена, он учредил орден св. Иоанна Иерусалимского, которым он удостоил и Ростопчина в декабре 1798 года. А в марте 1799 года Павел сделал его великим канцлером Мальтийского ордена, великим командором которого он сам являлся.

Но не древний рыцарский орден был подспорьем Павлу в осуществлении его преобразований. Опорой ему были ближайшие сподвижники, в числе которых наибольшее влияние имели Ростопчин и Аракчеев. А потому главной задачей заговорщиков во главе с тем же графом Паленом, генерал-губернатором Петербурга, было устранение преданных императору людей. Аракчеева удалось скомпрометировать в глазах Павла осенью 1799 года, а Ростопчин протянул до февраля 1801 года.

Чувствовал ли Ростопчин, что кольцо заговора сужается, и развязка вот-вот наступит? Судя по письму, написанному им незадолго до отставки, – да: «Я не в силах более бороться против каверз и клеветы и оставаться в обществе негодяев, которым я неугоден и которые, видя мою неподкупность, подозревают, и – не без основания, что я противодействую их видам», – писал он. Ростопчин считал, что больше всего в смене власти в России заинтересована Англия, куда, по его мнению, и вели основные нити заговора.

Как и в прошлый раз, Ростопчину было велено выехать в подмосковное имение Вороново. Император даже отказался с ним переговорить напоследок, а жить Павлу оставалось всего три недели. Почувствовав неладное, он написал было Ростопчину, чтобы тот немедленно возвращался. Но было слишком поздно. Ростопчин узнал о смерти любимого императора в дороге и в Петербург уже не поехал.

Как пошли бы дела, если бы Ростопчин успел вернуться в Петербург? История не знает сослагательных наклонений. Но ясно, что он ни при каких условиях не мог бы оказаться в рядах заговорщиков, потому как предан был государю лично. Преданность эта была следствием того доверия, что оказывал ему Павел. Именно в его окружении он был на своем месте. А его видение государственных интересов полностью соответствовало взглядам Павла. Со своей стороны, он имел влияние на императора и использовал всякую возможность воздействовать на приня-

⁹ Чичагов П.В. Записки. – М., 2002.

тие им важнейших решений. Как показала вся дальнейшая его жизнь, Ростопчин как государственный деятель сумел максимально реализоваться именно в павловское царствование.

Итог службе Ростопчина подвел Петр Вяземский: «Служба Ростопчина при Императоре Павле неопровержимо убеждает, что она не заключалась в одном раболепном повиновении. Известно, что он в важных случаях оспаривал с смелостью и самоотвержением, доведенными до последней крайности, мнения и предположения Императора, которого оспаривать было дело нелегкое и небезопасное».

Если Аракчеева Александр вернул и приблизил к себе, то о возвращении Ростопчина не могло быть и речи. Отношения между новым государем и бывшим фаворитом его отца были крайне испорченными. Как выражался сам Федор Васильевич, наследник «его терпеть не мог». И если про Павла и Ростопчина можно было сказать, что у них было много общего, то с Александром в начальную пору его царствования графа мало что связывало. Потому-то он и повернул обратно к себе в Вороново, узнав о смерти Павла. Девизом нового царствования стало «Все будет, как при бабушке», и потому Ростопчин пришелся не ко двору.

Удалившись в свое имение Вороново, купленное у графа Д.П. Бутурлина в 1800 году за 320 тысяч рублей, Ростопчин не остался без дела. Свои силы он направил в совершенно другое русло – сельское хозяйство. Впрочем, новым для него, уроженца российской провинции, оно не было. Планы его были грандиозны, изменился лишь масштаб его деятельности.

Он решил преобразовать сельское хозяйство в отдельно взятом имении, сделав его образцовым и максимально прибыльным. Поначалу Ростопчин посеял в своих полях американскую пшеницу и овес, поставив себе цель увеличение урожайности хлеба. Для этого придумал удобрять посевы илом, известью, навозом, а еще и медным купоросом. Совершенствует он и орудия труда – молотилку и соху, борясь с плугом и английской системой земледелия.

Вставал он до зари, ложился затемно, целыми днями пропадая на пашне. Как писал он, «жарюсь в полях, жизнь веду здоровую и в один час бываю цыганом, старостой и лешим». Получив первые результаты своих опытов, он приходит к мысли, что, иноземные «орудия для хлебопашества» нам ни к чему – не подходят они для нашего климата. И если что-то и брать у англичан, так это приспособления для обмолота зерна.

Своими соображениями он делится в книге «Плуг и соха. Писанное степным дворянином», имеющей два эпиграфа. Первый: «Отцы наши не глупее нас были». И второй, в стихах, который кончался так:

*Служил в войне, делах,
теперь служу с сохой.
Я пользы общества всегда
был верный друг,
Хочу уверить в том и восстаю
на плуг.¹⁰*

Мысли Ростопчина, изложенные в этой книге, свидетельствуют не только о том, что его консерватизм еще более укрепился, но и демонстрируют свою злободневность:

«То, что сделалось в других землях веками и от нужды, мы хотим посреди изобилия у себя завести в год... Теперь проявилась скоропостижно мода на английское земледелие, и английский фермер столько же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в запряжку. Хотя я русский сердцем и душою и предпочитаю отечество всем землям без изъятия, не из числа, однако ж, тех, которые от упрямства, предрассудков и самолюбия пренебрегают вообще все иностранное и

¹⁰ Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. – СПб, 1912. – С. 18–185.

доказательства отражают словами: пустое, вздор, не годится. Мое намерение состоит в том, чтобы тем, кои прославляют английское земледелие, выставя выгодную лишь часть оногo, доказать, что сколь английское обрабатывание земли может быть выгодно в окрестностях больших городов, столь бесполезно или, лучше сказать, невозможно всеместно для России в теперешнем ее положении».

Ростопчин Ф.В. Гравюра. 1813 г.

Ростопчин не только занимался самообразованием, много читал, выписывал иностранные журналы, но и помогал учить других, открыв в Воронове сельскохозяйственную школу. Здесь у шведских агрономов Паттерсона и Гумми учились крепостные Ростопчина и его соседей-помещиков. Для воплощения в жизнь полученных знаний крестьян обеспечивали удобрениями и семенами.

И хотя английскую систему земледелия он критиковал, но за опытом обращался именно к западным агрономам и садовникам, перенимая у них самое лучшее. Он настолько хорошо освоил сельскохозяйственную науку, что вскоре стал именовать себя не иначе как «профессором хлебопашества». Кажется, что из него получился бы неплохой министр сельского хозяйства.

Занимался он и разведением скота: коров и овец, но больше всего – лошадей, основав на своих землях конные заводы. Благо, что на плодородной, богатой пастбищами Воронежской земле, были для этого все условия. Арабские и английские скакуны чувствовали себя здесь вольготно. Из переписки Ростопчина тех лет узнаем: «Приведен ко мне жеребец столь хороших статей для Ливенского моего завода, что я решился его туда отправить». В селе Анна он держал табун в две тысячи лошадей, приносящий ему более двухсот тысяч рублей дохода в год.¹¹ Выведенную на его заводах новую породу лошадей называли Ростопчинской.

¹¹ Кондратенко А. «Профессор хлебопашества» Федор Ростопчин// Орловская правда. – 2003. – 15 августа.

Ростопчин Ф.В.

Худ. и гравер Д. Дайтон. 1814 г.

Ростопчин выстроил в Воронове новый большой дом, разбил прекрасный парк, знаменитый своими цветниками и украшенный итальянскими мраморными статуями. В оранжерее, проект которой приписывают самому Дж. Кваренги, он выращивал ананасы. А еще граф задумал в пик наводнившего Россию французскому табаку устроить у себя табачную фабрику, употребляя на сырье произрастающий в Малороссии табак.

За двенадцать лет, что Ростопчин жил в Воронове, поместье стало не узнать. И хотя после 1812 года бывать здесь у него не было ни времени, ни сил, долго еще в Воронове ощущались благотворные последствия его инновационной деятельности. Однако материальные свидетельства до нашего времени не сохранились: в сентябре 1812 года, после спешного бегства из Москвы, Ростопчин приехал в Вороново, чтобы сжечь его.

Поджог своего имения Федор Васильевич обставил на редкость театрально, пригласив находившихся здесь же зрителей к участию в постановке. Приехали генералы Л.Л. Беннигсен и А.П. Ермолов, а также представитель дружеской британской армии генерал Р. Вильсон, тот самый, что впоследствии нагло будет требовать от Кутузова не принимать приехавшего за миром Лористона. Именно Вильсона Ростопчин упрямил поджечь свою собственную спальню: «Это мое брачное ложе, у меня не хватает решимости поджечь его; будьте добры, избавьте меня от этой тягостной обязанности». В этой драме последней фразой режиссера и актера по совместительству была: «Теперь я доволен!»¹²

Поджигая главный дом, Ростопчин дал повод потомкам задаться вопросом: куда, собственно, подевалась богатая коллекция предметов искусства, собранная владельцем усадьбы в пору его фаворитства у императора Павла? Старинные гравюры и дорогой фарфор, скульптурные изваяния и редкие книги – все это вполне могло сгореть. Только вот на пожарище не

¹² Искюль С.Н. Французы в Москве в 1812 году // Французский ежегодник. – 2012. – С. 69.

нашли никаких следов, даже от мраморных скульптур. Вероятно, Ростопчин заблаговременно вывез наиболее дорогие вещи.

При этом он оставил французам записку следующего содержания: «Восемь лет украшал я это село, в котором наслаждался счастьем среди моей семьи.

Ростопчин Ф.В. Гравюра Ф.В. Майера по оригиналу Э. Габауэра. 1815 г.

При вашем приближении обыватели в числе 1720 покидают жилища, а я предаю огню дом свой, чтобы он не был осквернен вашим присутствием. Французы! В Москве оставил я вам два моих дома и движимости на пол миллиона рублей: здесь вы найдете только пепел».¹³

Но это случилось позже, а пока Ростопчин призывал и других помещиков брать с него пример и не увлекаться английской системой земледелия, весьма популярной тогда. Он был уверен, что именно его методы организации сельского хозяйства способны значительно увеличить доходы государства. Хотя истинной преградой на пути развития экономики России было крепостное право, убежденным сторонником которого являлся Ростопчин.

*Ростопчин Ф.В.
Худ. Н.И. Тончи*

Он, как и император Павел, считал, что помещики лучше позаботятся о своих крепостных, чем если крестьяне сами были вынуждены думать о себе. Но время Павла прошло, императором был Александр, провозгласивший во время своей коронации 15 сентября 1801 года: «Большая часть крестьян в России – рабы... Я дал обет не увеличивать числа их и потому

¹³ Ростопчин Ф.В. Сочинения. – СПб, 1853. – С. 197–198.

взял за правило не раздавать крестьян в собственность». Ростопчин же расценивал свободу крестьян как «неестественное для человека состояние, ибо жизнь есть наша беспрестанная зависимость от всего». Вольность способна и вовсе привести к бунту – в этом он был твердо уверен. Что бы сказал Ростопчин, узнав о том, что за полвека после отмены крепостного права в 1861 году объем сельскохозяйственного производства вырос в 7 раз!

Ростопчин начал не с того конца. И потому его бурная деятельность не нашла понимания ни у большинства современников, посчитавших ее помещичьей забавой, ни у историков. Недаром академик Е.В. Тарле писал, что для Ростопчина слова «Россия» и «крепостное право» были синонимами, слившимися в неразрывную двуединую сущность.

В перерывах он не забывал критиковать новые порядки. Все, что ни делал Александр I, хорошо чувствующавший общественные настроения, вызывало у Ростопчина резкий протест. Особенно в направлении либерализации общества: свобода въезда и выезда из России, свобода торговли, открытие частных типографий и беспрепятственный ввоз любой печатной продукции из-за границы, упразднение Тайной экспедиции и т. д.

Все эти меры Ростопчин считал очень вредными для России: «Господи, помилуй! Все рушится, все падает и задавит лишь Россию», – читаем мы в его переписке 1803–1806 годов. В чем он видит основную причину «падения» России? Как и в сельском хозяйстве, это – увлечение всем иноземным: «прокуроров определяют немцев, кои русского языка не знают», «смотрят чужими глазами и чувствуют не русским сердцем» и т. д. Для исправления ситуации Ростопчин избирает весьма оригинальный способ: взять из кунсткамеры дубину Петра Великого и ею «выбить дурь из дураков и дур», а еще понаделать много таких дубин и поставить «во всех присутственных местах вместо зеркал».

*Вид Спасских ворот и их окрестностей в Москве до пожара 1812 года.
Исторические этюды о Москве. – Лондон, 1813.*

Интересно, что мнение о вредности всякого рода конституционных свобод Ростопчин пронес через всю жизнь: «К несчастью, в сем веке, в котором столько происшествий приучили два поколения избавлять себя от правил, внушающих должное уважение к Вере и Престолу, горсть крамольников и честолюбцев довольно свободно достигает до обольщения народа, говоря, смотря по обстоятельствам, о благополучии, богатстве, свободе, славе, завоевании и мщении; его возмущают, ведут и низвергают в ужасную пропасть бедствий. Дошли

даже до того, что стали почитать революцию какою-то потребностью духа времени, и чтоб умножить лавину бунта, то представляют в блистательной перспективе выгоды конституции, не заботясь нимало, прилична ли она стране, жителям и соседям. Вот болезнь нынешнего века! Эта горячка опаснее всех горячек, даже и самой моровой язвы; ибо не только что повальная и заразительная, но сообщается чрез разговор и чтение. Ее признаки очень заметны: она начинается набором пышных слов, которые, кажется, выходят из уст какого-нибудь законодателя, друга человечества, Пророка или могущественного владетеля; потом является тысяча оскорблений против всякой власти и жажда обладания, неумеренный аппетит богатства, наконец, бред, в продолжение которого больной карабкается как можно выше, опрокидывая все пред собою».¹⁴

¹⁴ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – С. 36.

Франция как объект для подражания, или «Долго ли нам быть обезьянами?»

Насколько прав был Ростопчин, укоряя российскую элиту в галломании? К сожалению, прав во многом. Французская речь впитывалась дворянскими детьми с молоком кормилиц, ведь в большинстве своем домашними учителями, гувернерами в знатных семьях были французы. Среди российских дворян были и такие, что годами не появлялись в России, вывозя детей на учебу в Париж и Страсбург. Взять хотя бы князей Голицыных – Бориса и Дмитрия, сыновей знаменитой Натальи Петровны Голицыной, фрейлины при пяти царствованиях, послужившей прототипом Пиковой дамы в одноименном пушкинском произведении. Так вот, братья Голицыны учились в Париже в той же военной школе, что и Наполеон (только позже), были свидетелями штурма Бастилии. И выехали они из Франции только по требованию Екатерины II, вернувшей всех французолюбивых русских дворян на родину.

Немалое число высших сановников России говорили по-французски лучше, чем на родном языке, к Франции относясь как ко второй своей родине. Например, канцлер Николай Румянцев так любил Францию, что удостоился похвалы Наполеона. А когда в июне 1812 года Румянцев узнал о начале Отечественной войны, его хватил удар – такое сильное впечатление на него произвела эта новость. Да и генералитет российской армии в немалой степени состоял из иностранцев. К 1812 году 40 % российских генералов были либо нерусскими, либо исповедовали иную от официальной религию. Но этот факт, правда, вряд ли позволяет считать их меньшими патриотами, чем сам Ростопчин.

Румянцев Н.П.

Худ. Дж. Доу. 1826–1828 гг.

Еще до 1812 года Наполеон покориł и сердца определенной части российской и московской интеллигенции. Характерен пример Василия Львовича Пушкина, с придыханием рассказывавшего о своем вояже в Париж и встрече с Наполеоном в 1803–1804 годах. Поэт на

несколько месяцев стал героем московских и петербургских салонов. А как притягивали московских модниц привезенные им из Парижа рецепты, предметы туалета, мебель. А Кузнецкий мост в Москве и вовсе был французским кварталом – здесь гораздо чаще можно было услышать французскую, а не русскую речь.

Но после узурпации Наполеоном государственной власти отношение к Франции стало меняться. После 1807 года и навязанного России мира отношение российской общественности к французам повернулось в более трезвую сторону. А потому прав был П.В. Анненков, писавший в 1868 году, что «вражда высшего нашего общества к Наполеону была полная, без оговорок и уступок. В императоре французов общество это ненавидело отчасти и нарушение принципа легитимизма, в чем совершенно сходилось с правительством, но оно ненавидело и тот строй, порядок жизни, который Наполеоном олицетворялся», и в то же время «подражание французам, на которое так жаловался гр. Ростопчин, было крайне поверхностное в обществе и ограничивалось ничтожными предметами, конечно, не стоившими жарких филиппик этого оригинального патриота».¹⁵

*Пушкин В.Л.
Худ. Ж. Вивьен. 1823 г.*

Тем не менее, постепенно этот «оригинальный патриот» набрал немалый вес в глазах общественного мнения. Ростопчина слушали и читали, причем с большим интересом. Ведь он говорил о том, что власть предпочитала замалчивать или не обращать внимания. В 1806 году он сочиняет «наборную повесть из былей, по-русски писанную», уже одно название которой указывает на ее антифранцузскую направленность: «Ох, французы!»

Автор, принимая на себя роль «глазного лекаря», который «если не вылечит, то, по крайней мере, не ослепит никого», пытается открыть глаза читателю на то, каким должен быть настоящий русский дворянин. Ростопчин считает, что у него есть для этого веские основания только по той причине, что «и вы русские», и «я русский».

Адресована книга «разумеется, благородным, по той причине, что сие почтенное сословие есть подпора престола, защита отечества и должно предпочтительно быть предохранено». О менее знатных сословиях Ростопчин придерживается лучшего мнения: «Купцы же и крестьяне, хотя подвержены всем известным болезням, кроме нервов и меланхолии, но еще от иноземства кой-как отбиваются, и сия летучая зараза к ним не пристаёт».

Кто же он, идеальный дворянин, к которому не пристаёт никакое иноземство? По Ростопчину, это «почтенный человек, отец, муж, россиянин редкий», хорошо воспитанный, «укреп-

¹⁵ Анненков П.В. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л.Н. Толстого «Война и мир» // Л.Н. Толстой в русской критике: Сб. ст. – М., 1952.

ленный телом», живущий в душе со страхом Божиим, любовью к отечеству, почтением к государю, уважением к начальству и состраданием к ближнему. Ростопчин указывает и на еще одно веское обстоятельство, без которого трудно стать настоящим патриотом – надо жить и родиться не в Москве или Петербурге, а «в одной из тех изобильных губерний, где круглый год никто ни в чем не знает нужды». Как видим, перечисленные качества характерны и для самого автора повести «Ох, французы!»

И все бы хорошо, только вот, как считает Ростопчин, слишком велико в России тлетворное влияние Запада. Начинается оно с самого рождения, когда французские няньки и гувернеры разговаривают со своими воспитанниками на своем языке, а вместо «сорока, сорока кашу варила» ребенок слышит истории про Синюю бороду. В то же время, как «Наши сказки о Бове Королевиче, о Евдоне и Берье, о Еруслане Лазаревиче, о Илье Муромце заключают нечто рыцарское, и ничего неблагопристойного в них нет», – считает Ростопчин. И вот из такого ребенка, наслушавшегося в детстве французской речи, вырастает, в конце концов, несознательный дворянин, который «завидует французам и не в первый раз жалеет, что и сам не француз». Какая же из него «подпора для престола»?

Неизвестно, как повлияла бы повесть на представителей сословия, которому она была адресована, если бы была опубликована своевременно. Но напечатали ее лишь в 1842 году, когда автора уже давно не было в живых. И если бы Федор Васильевич дожил до публикации, то был бы очень обрадован отзывами критиков: «верное зеркало нравов старины и дышит умом и юмором того времени» (В.Г. Белинский) и «много юмора, остроты и меткого взгляда» (А.И. Герцен).

А вот следующее произведение Ростопчина, которое можно назвать «программным», увидело свет вскоре после написания. В «Мыслях вслух на Красном крыльце Российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» автор предлагает уже более радикальные методы борьбы с «иноземщиной»: «Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать француз: «Сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай в ад или восвояси, все равно, – только не будь на Руси».

«Мысли...» разошлись в списках и приобрели широкую известность, а их первая публикация состоялась даже без ведома автора, в марте 1807 года, в Петербурге. Правда, напечатанный их А.С. Шишков немного смягчил националистические акценты. Ростопчину это не понравилось, и вскоре он сам взялся за публикацию «Мыслей...» в Москве, после чего число почитателей полемического таланта графа резко выросло. После событий под Прейсиш-Эйлау многие думали о том, о чем от имени «ефремовского дворянина Силы Андреевича Богатырева, отставного подполковника, израненного на войнах, предводителя дворянского и кавалера Георгиевского и Владимирского, из села Зажитова» писал Ростопчин. Существой Сила Богатырев на самом деле, его немедля приняли бы в ряды московского Английского клуба, многие члены которого исповедовали национал-патриотические взгляды.

По сравнению с прежними героями Ростопчина, Богатырев оказался более воинственным и даже агрессивным: «Прости, Господи! уж ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет? Ее же бранят все не на живот, а на смерть».

Впоследствии, через четырнадцать лет после написания «Мыслей...», Ростопчин оправдывал их возникновение следующим: «Небольшое сочинение, изданное мною в 1807 году, имело своим назначением предупредить жителей городов против Французов, живущих в России, которые старались уже приучить умы к тому мнению, что должно будет некогда нам пасть пред армиями Наполеона. Я не говорил о них доброго; но мы были в войне, а потому и позволительно Русским не любить их в сию эпоху. Но война кончилась, и Русский, забыв злобу, возвращался к симпатии, существующей всегда между двумя великодушными народами. Он не сохранил сего зложелательства, которое Французы оказывают даже до сего времени чужезем-

цам и не прощают им двойное занятие Парижа, как и трехлетнее их пребывание во Франции. Впрочем, я спрашиваю: где та Земля, в которой три тысячи шестьсот тридцать Французов, живущих в одном токмо столичном городе, готовом уже быть занятым их соотечественниками, могли бы жить не только спокойно, но даже заниматься своей коммерцией и отправлять свои работы?»¹⁶

Ростопчин, задавая свой вопрос, имел в виду большую численность французской колонии, проживавшей в Москве перед ее оккупацией армией Наполеона.

Как это часто бывает в таких случаях, у графа не замедлили появиться последователи и подражатели. Василий Жуковский из Петербурга изъявлял желание напечатать в «Вестнике Европы» продолжение мыслей Силы Богатырева, вопрошавшего: «Боже мой! да как же предки наши жили без французского языка, а служили верой и правдой государю и отечеству, не жалели крови своей, оставляли детям в наследство имя честное и помнили заповеди Господни и присягу свою? За то им слава и царство небесное!»

Своими успехами в сельском хозяйстве Ростопчин не добился такого авторитета в обществе, какой принесли ему «Мысли...» «Эта книжка прошла всю Россию, ее читали с восторгом!» – отмечал М.А. Дмитриев. Сочинение Ростопчина стало востребованным еще и по той известной причине, которая всегда присутствует в обществе и обозначается формулой «конфликт отцов и детей». Ростопчин олицетворял старшее поколение, как обычно, недовольное младшим. И здесь увлечение французским было лишь поводом: «Спаси, Господи! чему детей нынче учат! выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей? Мозг у них в тупее, сердце в руках, а душа в языке; понять нельзя, что врут и что делают.

...Господи, помилуй! только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски; и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное Париж. Родителей не уважают, стариков презирают и, быв ничто, хотят быть все».

Но все же, главной причиной всех бед были и есть французы: «Да что за народ эти французы! копейки не стоит! смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху; ни стыда, ни совести нет. Языком пыль пускает, а руками все забирает. За которого ни примись – либо философ, либо римлянин, а все норовит в карман; труслив как заяц, шалостлив как кошка; хоть не много дай воли, тотчас и напроказит».

Публика требовала продолжения банкета. И вскоре из-под пера Ростопчина вышли новые произведения из этой же «серии»: «Письмо Устина Ульяновича Веникова к Силе Андреевичу Богатыреву», «Письмо Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве» и т. д.

Пробовал он себя и в драматургии, сочинив одноактную комедию «Вести, или Убитый живой», главным героем которой был опять же любимый персонаж – Сила Богатырев. Пьеса прошла на московской сцене в январе 1808 года лишь три раза. Некоторые зрители, узнав себя в персонажах пьесы, закатили скандал, после чего спектакль сняли с репертуара.

Как жалел Федор Васильевич преждевременной гибели императора Павла, не скрывая своего разочарования царствованием Александра. И оба этих противоречивых чувства были глубоко связаны между собой. Как метко по этому поводу заметил тот же Вяземский, «благодарность и преданность, которые сохранил он к памяти благодетеля своего (как всегда именует он Императора Павла, хотя впоследствии и лишившего его доверенности и благорасположения своего) показывают светлые свойства души его.

Благодарность к умершему, может быть, доводила его и до несправедливости к живому».

¹⁶ Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. – С. 53.

*Вид заставы Москвы на Владимирской дороге
Исторические этюды о Москве. – Лондон, 1813.*

А что же государь? Вспоминал ли он о Ростопчине? По крайней мере, Александр знал о том, что Ростопчин является выразителем мнения определенной части дворянства правого толка, т. н. «русской партии».¹⁷ Дошла до императора и трактовка Ростопчиным Аустерлицкого поражения 1805 года как «божьей кары» за убийство Павла I.

В декабре 1806 года Ростопчин обращается напрямую к Александру, предлагая ему диагноз быстрого излечения страны (в павловском стиле): выслать всех иностранцев, приструнить своих говорунов-либералов и тем более масонов: «Исцелите Россию от заразы и, оставя лишь духовных, прикажите выслать за границу сонмище ухищренных злодеев, коих пагубное влияние губит умы и души несмыслящих подданных наших». Ожидаемой Ростопчиным реакции государя не последовало.

¹⁷ Бочкарев В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX века // Отечественная война и русское общество. – М., 1911.

«Недовольство императором усиливается»

А тем временем серьезно обострилась международная обстановка. В 1807 году Александр был вынужден подписать с Наполеоном невыгодный для России Тильзитский мир, по которому с Францией устанавливались союзнические отношения, а сам Бонапарт признавался французским императором.

Более того, Россия обязана была участвовать в континентальной блокаде Великобритании, в союзе с которой ранее была образована так называемая четвертая коалиция против Наполеона. Россия несла не только моральные, но и экономические убытки (торговля с Великобританией была крайне выгодной), что не могло не сказаться на общественном мнении, на политической атмосфере при дворе.

В донесениях иностранных послов своим государям все чаще стало встречаться уже забытое с 1801 года слово «переворот»: «Недовольство императором усиливается... Говорят о перемене царствования... Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена... На престол хотят возвести великую княжну Екатерину». Упоминаемая шведским послом княжна – родная сестра государя, великая княгиня Екатерина Павловна, которая сыграла важнейшую роль в будущей судьбе Ростопчина.

И вот, доселе не принимаемые во внимание суждения Ростопчина о засилье иностранщины, о вреде губящего страну либерализма, наконец-то нашли свою хорошо удобренную почву в среде недовольного дворянства, особенно московского. Хотя и в столице были те, кто готов был выслушивать Ростопчина не без интереса, это и министр полиции А.Д. Балашов, и министр юстиции И.И. Дмитриев, и Н.М. Карамзин, и даже брат императора, великий князь Константин Павлович. А встречались оппозиционеры посередине между двумя столицами – в Твери, в салоне той самой сестры императора, великой княжны Екатерины Павловны и ее мужа герцога Ольденбургского, местного губернатора.

*Великая княгиня Екатерина Павловна
Худ. Ж.-Б. Изабе. 1815 г.*

По сути, на этих собраниях Ростопчин являлся главным представителем оппозиционной Москвы. Как правило, тем для разговоров было три: Наполеон, Сперанский и масоны. Ростопчин уподоблял их трехголовой гидре, которая погубит Россию. В Твери Ростопчин нашел не только единомышленников, но и высокопоставленных покровителей и ходатаев в лице великой княгини Екатерины Павловны и ее мужа. «Посмотрите, – все громче говорил Ростопчин, – до чего довело нас преклонение перед всем французским, Наполеоновы-то войска уже у наших границ!» Действительно, перспективы новой большой войны становились все очевиднее, даже без обличительных речей Ростопчина.

С 1810 года Александр стал готовить Россию к войне, проведя военную реформу, начав перевооружение армии, возведение крепостей на западной границе и создание продовольственных баз в тылу. Возникла потребность и в мобилизационных мерах, особенно информационного характера, готовящих общественное мнение к неизбежности столкновения с Наполеоном. И вот здесь патриотическая риторика Ростопчина наконец-то была востребована императором, желавшим сгладить недовольство дворянства и чиновничества. Подготовка к войне – очень хорошая возможность повысить авторитет власти, если ведется она фоне умелого поиска внутренних и внешних врагов. А врагов этих Ростопчин хорошо знал.

*Александр I.
Гравюра Фр. Вендрамини. 1813 г.*

Официальное возвращение Ростопчина на государственную службу состоялось 24 февраля 1810 года, когда он был назначен обер-камергером с правом числиться в отпуску. Назначению предшествовала встреча Александра с Ростопчиным в ноябре 1809 года в Москве. Среди сопровождающих императора была и все та же великая княгиня. Не без ее влияния царь

дал Ростопчину первое поручение – провести ревизию московских богоугодных заведений, что тот и сделал, подготовив очень обстоятельный и подробный отчет. Но получив должность обер-камергера, Ростопчин все же не мог часто бывать при дворе, т. к. один обер-камергер там уже был, и при том действующий, – А.Л. Нарышкин. Все это указывало на нежелание Александра приближать к себе Ростопчина, а может, и на желание приберечь его на будущее.

Сперанский М.М.

Худ. А.Г. Варнек. 1824 г.

Это был и определенного рода знак недовольным, что их голос услышан и принят во внимание. Ведь 1810 год – это начало реформ Михаила Сперанского, создателя совершенно нового для Российской империи учреждения – Государственного Совета. «Манифест об открытии Государственного Совета» подписал 1 января 1810 года император, а председателем совета стал канцлер Николай Румянцев, государственным секретарем – Сперанский. Госсовет выполнял функции совещательного органа и должен был обсуждать и готовить законопроекты на подпись императору. Хотя первоначально речь шла о более радикальном шаге – создании Государственной думы.

Сперанского люто ненавидела подавляющая часть дворянства. Своей активной деятельностью он раздражал при дворе многих. Велась и соответствующая работа по дискредитации реформатора с целью сместить его, что было непросто, т. к. он все еще пользовался доверием государя. Император же в этой ситуации, похоже, пытался усидеть на двух стульях. Он пошел на полумеры: и Госсовет учредил, и Ростопчина назначил. Вот в какой обстановке произошло возвращение Ростопчина на государственную службу.

Противники Ростопчина использовали его для борьбы против Сперанского, которого в чем только не обвиняли: в краже документов, в шпионаже, продаже российских интересов за польскую корону, обещанную ему Наполеоном и т. д. Ростопчин сумел облечь обвинения против Сперанского в «научную» форму, написав в 1811 году «Записку о мартинистах», т. е. масонах.¹⁸

¹⁸ Мартинизм – форма мистического и эзотерического христианства, чья доктрина описывает «падение первого человека из Божественного в материальное, а также способ его возвращения в Божественное с помощью Реинтеграции, или духовного просветления, достигаемого при сердечной молитве». В России одним из самых известных масонов-мартинистов был Н.И. Новиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.